

БОГОСЛОВИЕ, РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Протоиерей Александр Добросельский

БОГОСЛОВСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ МЕТОД БОРЬБЫ С УНЫНИЕМ, ОТЧАЯНИЕМ И СУИЦИДОМ

А. А. Добросельский, протоиерей, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой общенаучных дисциплин Рязанской православной духовной семинарии, доцент кафедры теологии Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Трудно согласиться, что человек налагает на себя руки *вполне* сознательно и *вполне* по своей собственной воле. Есть в этом акте какой-то принудительный механизм, который созревает в унынии, запускается отчаянием и действует молниеносно, решительно и неумолимо, преодолевая даже, казалось бы, непреодолимый страх смерти. Важнейшей и актуальнейшей задачей является нахождение методов разрушения этого механизма, методов, которые могли бы использовать не только верующие, но и неверующие, и которые могли бы взять на вооружение педагоги и психологи.

В надежде на то, что нам поможет богословская интуиция русского языка, начнём с филологического анализа упомянутого слова *уныние*.

Впрочем, если этот увлекательный лингвистический анализ покажется скучным, можно сразу перейти к анализу богословско-педагогическому, изложенному в части II.

I. Филологический анализ слова «уныние»

1. Славистика о родстве слов «уныние» и «нытьё»

«Этимологический словарь» М. Фасмера, а также «Этимологический словарь»¹ украинского языка и другие словари возводят происхождения древнерусского *оуныти*, чешского *unyť*, болгарского *унывам* и старославянского *оуныти* к слову *ныть*. Фасмер из статьи «уныние» отсылает к статье «ныть» и указывает родственные: «лит. *põvyti* «мучить, губить, угнетать», лтш. *nâvitiês* «мучиться», др.-прусск. *nowis* «туловище», лтш. *nâve* «смерть», гот. *naus* (мн. *naweis*) м. «мертвец», прилаг. *nawis* «мертвый», ирл. *nína* «голод».

Фонетические законы русского, старославянского и даже их предка – праиндоевропейского языка, не терпят начального слогового, тем более корневого, гласного звука. Следовательно, в слове *уныние* «у» является приставкой. Если приставку игнорировать, то оба слова, *у-ныние* и *нытьё*, *у-нывать* и *ныть*, становятся весьма похожими не только по содержанию, но и по форме, что указывает и на их близкую генетическую связь.

Действительно, во всём праславянском фонде² мы не найдём другого корня столь близкого и по форме, и по значению к словам *уныние* и *нытьё*, *унывать* и *ныть*, кроме как праславянский корень:

«*nyti*: ст[аро]³ – слав[янское] **ныти** ..., ст[аро]-чеш[ское] *nyti*, *nyti* 'томиться, мучиться (от сердца и под.); (о тяжелой болезни) страдать чем-либо', 'слабеть, чахнуть (от какого-л. чувства)'..., слвц. *nyť*, *nyje* (поэт.) 'тужить, расчувствоваться'..., польск. диал. *pus*, *puje* 'сохнуть, чахнуть, увядать от тоски, мучиться'..., др[евне]русск. *ныти*, *нюю* 'печалиться', русск. *ныть*, *ною* 'болеть, давать себе знать ощущением непрекращающейся тягучей боли; постоянно и надоедливо жаловаться на что-нибудь' (разгов., пренебр.) (Ушаков 11, 605),... укр. *нити* 'ныть'..., блр. *ныць* 'ныть, изнывать'. Праслав[янское] **nyti* родственно с каузативом **naviti* **navь* и при этом посредством – лит[овское]. *põvyti* 'мучить, губить, угнетать', лтш. *nâvêt* 'убивать', *nâvitiês* 'мучиться', др.-прусск. *nowis* 'туловище', лтш. *nâve* 'смерть', гот[ское] *naus* 'мертвец, труп', др.-исл[андское] *nār*, англосакс. *nē(o)* то же, др.-ирл[андское] *níne* 'голод', вся группа возводится к гнезду и[ндо]-е[вропейского корня] **nāu-/*nəu-/*nī-* 'мучить'⁴.

Но старославянские рукописи X-XI вв. не знают слова *ныть*⁵, хотя знают многочисленные формы от *унывать*. Не вошло слово *ныть* и по сей день в церковнославянский язык⁶. Очевидно, впервые это слово встречается только в первых собственно русских книгах, например, в «Остромировом Евангелии»⁷. Отмеченное употребление в лечебных справочниках слова *ныти* в значении «переварить пищу (о желудке)» (причём, даны варианты *ноити*, *нояти* и *ноетти*) относится к XVII веку⁸. И даже в современной русской Библии это слово употреблено лишь раз и то в отношении болезни тела, но не души: «Ночью ноют во мне кости мои, и жилы мои не имеют покоя» (Иов.30:17). Но в Острожской Библии (1581) и в этом стихе нет слова *ноют*: «кости моя разгорешася», говорит Иов: (см. следующую страницу)

жѣтїма днїе печѣлїн • Нощїю же
кѣстїи моѣ разгорѣшасѣ, жнлы же
моѣ ослабѣша • Шногю крѣпѣтїю

Измаил Иванович Срезневский также связывает два слова, но, наперекор большинству словарей, отсылает от *ныти* к *унывати*, что, с учетом вышеизложенного, кажется более верным:

НЪТИ, НЪЮ — см. **ЪНЪВАТИ**. — Ср. Гр. *νεύω*; Лат. *пнеге*. — Ср. Чеш.-др. *nyti* — *chradnouti*: — *Kain byl srdcem, závidě braṭru. Stit.*

В праславянском языке было существительное по действию от глагола «*nyti*»: «*nytye*: польск. диал. *pusie* действие по гл. *puć...*, русск. *нытьё* ср. р. (разгов., пренебр.) действие по гл. *ныть* 'постоянно надоедливо жаловаться на что-либо' (Ушаков 11, 605), укр. *ниття* ср.р. действие по гл. *нити...* Существительное со значением действия, производное суф. *-tye* от **nyti*⁹.

Отсюда возникает вопрос: почему наряду с праславянским словом «*нытьё*» существует слово «*уныние*» и когда оно возникло?

2. Духовная семантика слова «унывать» и телесная семантика слова «ныть» в русском языке

Происхождение слова *уныние* весьма неопределённо, возможно, поэтому в некоторых этимологических словарях это слово вовсе опущено (Черных, Преображенский, Цыганенко), как и слово «ныть» (Цыганенко).

В «Словаре живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля, как ни в каком другом, проступает то духовное, а лучше сказать, то бездуховное значение слова уныние, которое всегда подразумевалось за этим словом в русском народе:

«**УНЫВАТЬ, уныть**, грустить безнадежно, падать духом, робеть, отчаиваться, терять всякую бодрость и надежду, не находить ни в чем утешенья. ... *В беде не унывай, на Бога уповай. Не унывает, кто на Бога упоает. Унывный, унылый*, унывающий, унывший; грустный, печальный, горегорький. *Унывный, унылый голос, песня, лицо. Унылая природа песчаных степей. Опомнимся, но поздно, и уныло глядим назад! Пушкин. Унывность, унылость, уныние*, состоянье и свойство по прилагательному».

Ему вторит Церковнославянский словарь: «уныние – удрученное состояние духа, беспечность, бездействие в деле спасения»¹⁰. В советское время это значение несправедливо замалчивалось и грань между словами *уныние*, *огорчение*, *рас-*

стройство и другими подобными неоправданно стала исчезать¹¹.

В христианском представлении уныние – это есть один из смертных грехов¹². Как видим, уныние в русском языке относится к духовной жизни. К телу же и душевным его проявлениям относится в русском языке «нытьё», что также подтверждается словарём В. И. Даля¹³: «ныть, нывать; болеть, ломить, мозжить; о боли равномерной, упорной, длительной, тупой и глубокой. Зубы не болят теперь, а все ноют. Сердце ноет, тоскует, болит по чем. *Нывало ль у тебя сердечушко, знавала ль ты горючее горе? Родных нет, а по родимой сторонке сердце ноет. Не ной его косточка во сырой земле!* || *Ныть* сущ. ж. ной м. нытье, ноющая боль. *Ныть в костях стоит...* Не унывай, не отчаивайся...».

Явный просторечный или метафорический характер приобретает слово «ныть», если употребляется в отношении души, а не тела¹⁴. Сознание русского человека чётко разграничивает: ноет тело, дух же унывает, и это позволяет предполагать, что данные лексемы имеют, по крайней мере, различные семантические поля, а возможно, и происхождение.

В русском языке можно сказать «душа унывает», но это будет всегда подразумевать ту высшую сторону души, которая называется также духом человека. Можно сказать «душа ноет», но тогда это будет относиться к телесной привязанности души. Но неверно будет сказать «дух ноет», так как слово «ноет» относится к душевно-телесному составу человека, но дух человека может только унывать.

3. Старославянское происхождение слова «уныние»

3.1. Слово «уныние» отсутствует в литературных славянских языках, за исключением русского

Слово *уныние* прочно вошло в лексику церковнославянского языка и означает, как выше отмечалось, смертный грех. Но это слово на современные родственные славянские языки, включая и восточнославянские украинский и белорусский, переводится словами с иными корнями и со вполне очевидным славянским этимологическим происхождением (см. таблицу ниже).

Однако, в украинском языке есть диалектное слово *унивати* – «сумувати, *впадати у відчай* [впадать в отчаяние]»¹⁵, подобным образом считается диалектным белорусское [*уныць*].

В болгарском языке «*унывати* – несов. *унивам, постървам, падам духом*»¹⁶. «Уныние – с. *униние, скръ'б, тъга, печал*»¹⁷.

В польском языке слово *уныние* подобных соответствий не имеет, как и в сербохорватском, но в чешском языке есть слово «*унылý*» (скорбный, печальный). Таким образом, существуя, так или иначе, как минимум, в составе сакрального языка богослужения – церковнославянского языка, слово *уныние* распространено в ареале влияния церковнославянского языка, включая чешский, который также входил в этот ареал. Но при этом значение его в литературных языках везде продублировано словами более употребимыми (также см. таблицу ниже), очевидно, родными словами, более близкими этим языкам, в каждом языке разными и с

иными корнями. Только в русском языке прижилось слово *уныние* как основное в своём семантическом поле.

3.2. Отсутствие в общеславянском семантическом поле слова «уныние» однокоренных ему слов

Непроизводными синонимами к слову уныние в русском языке являются: грусть, печаль, скорбь, скука, тоска, но ни одно из этих понятий не считается однозначным грехом, каковым считается понятие уныния. То есть, в той или иной степени перечисленные чувства могут испытывать и грешники, и праведники¹⁸, уныние же должно быть чуждо состоянию духа христианина, потому что его возникновение зависит не от жизненных обстоятельств, но от греховного состояния человека.

Если проанализировать переводы этих слов на иные славянские языки, то найдем, что в этом обширном семантическом поле нет места корню слова уныние:

русский	уныние	грусть	печаль	скорбь	скука	тоска
белорусский	маркота, туга, сум, смутак, журба,	сум журба, маркота	смутак, маркота, журба	смутак, скруха, жаль, туга	нуда, нудота, сум, маркота	туга, нуда, смутак,
болгарский	униние	тъга печал	печал тъга	скръб жалба	скука	тъга мъка
македонский	обесхрабрување	тага, жалост	тага, жал, жалост	тага	досада	тага, жал, жалост
польский	smutek, troska,	smutek, tęsknota	smutek smętek, żal, troska	złość, boleść, ból, strapienie, zgryzota, zmartwienie	nuda, znudzenie,	tęsknota, tęsknica, zniechęcenie, nuda
сербский	снужденост, утученост, обесхрабреност	жалост, туга, сета	жалост, туга	велика жалост, туга	досада	туга, бол, досада, чама
словенский	obup, brezup, potlačženost	žalost, otožnost, trpkost	žalost bridkost	žalost	dolgčas puščoba	žalost tesnoba otožnost
украинский	сум, сумота, туга, сумування	журба, смуток, жаль	журба, журбота, туга, сум	жаль, туга, журба, печаль...	нудьга, нудь, нуда	туга, нуд, нуда, сум, тоска

хорватский	malodušnost, utučenost, tuga	tuga, žalost, snuždenost	žalost, tuga	tuga, jad, sjeta, patnja, bol	dosada, čama	žalost, tuga, tjes- koba, dosada
чешский	malomyslnost, skleslost,	smutek, stesk, zármutek	zármutek, smutek	žal, hoře, bol,	nuda	stesk, tesknota,

Если бы хоть какие-нибудь естественные тенденции в славянских языках вели к образованию слова уныние, это слово было бы отражено в данном семантическом поле. Напротив, все слова имеют общеславянские и легко узнаваемые корни, используемые, так или иначе, в других славянских языках.

3.3. Перевод различных греческих слов одним словом «уныние»

Ещё одним аргументом в пользу церковнославянского происхождения является также и то, что словом «уныние» и однокоренными ему словами переводились весьма различные греческие слова, например, только у И. И. Срезневского отмечены такие как: *ἀθῦμία* – упадок духа, уныние, отчаяние, подавленность, тревога; *ἀκηδία* – беззаботность, небрежность; *ἠωθρότης* – медленность, вялость; *ῥαθυμία* – беспечность, легкомыслие, нерадение, праздность, леность; *σκυθρωπός* – угрюмый, сердитый, печальный, *στύγνός* – мрачный, угрюмый. Переводчики, таким образом, исходя из переводимого контекста, различные понятия сводили к одному определённом понятию греховного состояния.

4. Праиндоевропейские корни слов «уныние» и «нытьё»

В описанном выше семантическом поле участвует один корень на «н», от которого в польском и чешском – *nuda*, в белорусском – *нуда*, *нудота*, в украинском – *нудьга*, в сербском – *снужденост*. Праславянские корни **nuditi* и **nuda* тяготеют к гнезду индоевропейского **nāi-/*nēi-/*nī* 'мучить, изнурять'¹⁹, откуда происходят такие слова, как *понуждать*, *принуждать*, *нужда*, *нудить*, *нудный*.

Как было отмечено, слова *nuda*, *нудьга*, *нужда* и так далее, а также и слова *унывать* и *ныть* в своём праславянском этимоне²⁰ *nuti*, происходят, в свою очередь, из праиндоевропейского корня *neh₂-u-* (входит в упомянутое праиндоевропейское гнездо **nāi-/*nēi-/*nī*) со значением «мучить, мертвец, мёртвое тело». В настоящее время насчитывают более двадцати праиндоевропейских корней с начальным *n*²¹. Вот один из примеров реконструкции праиндоевропейских корней, полезный для нас образцами деривативов²². Интересующие нас корни помечены знаком ●:

(см. следующую страницу)

Корни	значения	Derivatives (некоторые производные в различных языках)
ṅ-	negative prefix	
n-	grammatical infix	<i>Lat.</i> -n-
ne	not нет	<i>Av.</i> (<i>nōit</i>), <i>Gm.</i> *ne, <i>Lat.</i> ne, <i>OIr.</i> ní, <i>Pers.</i> (<i>nōit</i>), <i>Skr.</i> न (na), <i>Welsh</i> ni
nébʰos	cloud небо	<i>Lat.</i> nebula, <i>OCS</i> небо (<i>nebo</i>), <i>Russ.</i> небо(небо), <i>Skr.</i> नभस् (<i>nábhās</i>), <i>Gk.</i> νέφος (<i>néphos</i>), <i>Hitt.</i> (<i>nēpis</i>), <i>Lyc.</i> tabahaza, <i>Luw.</i> (<i>tappassa</i>), <i>Gm.</i> nebul/Nebel, <i>Eng.</i> ni- fol, <i>Welsh</i> nef, <i>Kamviri</i> niru, <i>Polish</i> niebo, <i>Lith.</i> debe- sis, <i>Ltv.</i> debess, <i>Av.</i> nabah, <i>Ir.</i> nem/neamh, <i>ON</i> niðhel, <i>Alb.</i> avull
neg^{whro-}	kidney почка	<i>Lat</i> nefrōnes, <i>Gk.</i> νεφρός (<i>nephrós</i>), <i>Gm.</i> niuro/Niere, <i>ON</i> nýra
neh₁tr-	snake змея	<i>Lat.</i> natrix, <i>Eng.</i> næddre/adder, <i>Gm.</i> natara/ Natter, <i>Welsh</i> neidr, <i>Goth.</i> nadrs, <i>ON</i> naðr, <i>Ir.</i> nathir/nathair
néh₂s	nose нос	<i>Lat.</i> nāsus, <i>Skr.</i> नास (nāsā), <i>OCS</i> носъ (nosŭ), <i>Russ.</i> нос (nos), <i>Lith.</i> nosis, <i>Ltv.</i> nāss, <i>Eng.</i> nosu/nose, <i>Av.</i> (nah), <i>Gm.</i> nasa/Nase, <i>Kamviri</i> (nāsur), <i>Old Prussian</i> nazy, <i>Pers.</i> (nāham), <i>ON</i> nos
● neh₂-u-	corpse труп	<i>Toch.</i> nut/naut, <i>Goth.</i> naus, <i>OCS</i> navi, <i>Russ.</i> навъ(nav'), <i>Welsh</i> newyn, <i>Gm.</i> not/, <i>ON</i> nār, <i>Eng.</i> néo-/— <i>Old Prussian</i> nowis, <i>Lith.</i> novelty, <i>Ltv.</i> nāve, <i>Ir.</i> núnē/
neyg^{w-}	to wash мыть	<i>Lat.</i> noegeum, <i>Ir.</i> nigim/nighim, <i>ON</i> nykr, <i>Gm.</i> nihhus/Nix, <i>Gk.</i> v ίζω (<i>nizō</i>), <i>Skr.</i> नेनेक्ति (nenekti), <i>Welsh</i> enneint, <i>Eng.</i> nicor/
neyk-	to winnow веять, дуть	<i>Lith.</i> niekoti, <i>Ltv.</i> niekāt, <i>Gk.</i> λικμάω (<i>likmáō</i>), <i>Welsh</i> nithio
nem-	to allot/distribute определять, рас- простра- нять	<i>Lat.</i> numerus, <i>Ir.</i> nem/nimh, <i>Mlr.</i> nos, <i>Gm.</i> neman/neh- men, <i>Gk.</i> νέμω (<i>némō</i>), <i>Goth.</i> niman, <i>ON</i> nema, <i>Lith.</i> núomas, <i>Ltv.</i> nuōma, <i>Eng.</i> niman/numb, <i>Av.</i> nēmah, <i>Toch.</i> /ñemek, <i>Russ.</i> немой (nemoj), <i>Alb</i> nēmë/namë
nek-	dead person, death мёртвый	<i>Skr.</i> नश्यति (naśyati), <i>Av.</i> nasyeiti, <i>Gk.</i> νεκρός (<i>nekrós</i>), <i>Lith.</i> našlys, <i>Lat.</i> nex, <i>Toch.</i> nāk/nāk, <i>Ir.</i> éc/eug, <i>Welsh</i> angeu, <i>ON</i> Naglfar
ni	down низ	<i>Skr.</i> नी (ni), <i>Eng.</i> niþera/nether-, <i>Gm.</i> nidar/nieder, <i>ON</i> niðr, <i>Gk.</i> νεῖός (<i>neíós</i>), <i>OCS</i> nizu, <i>Russ.</i> низ(niz), <i>Ir.</i> ne/ni

<i>nog^wós</i>	naked обнаженный	<i>Eng.</i> nacad/naked, <i>Goth.</i> naqaþs, <i>Skr.</i> नग्न(nagna), <i>Hitt.</i> nekumant, <i>Gk.</i> γυμνός (<i>gumnós</i>), <i>Lat.</i> nūdus, <i>Lith.</i> nuogas, <i>Ltv.</i> nogs, <i>Ir.</i> nocht/, <i>Gm.</i> nackot/nackt, <i>Polish</i> nagi, <i>ON</i> nakinn, <i>Av.</i> maǵna, <i>Welsh</i> noeth, <i>OCS</i> nagŭ, <i>Russ.</i> нагой (nagoj), <i>Kashmiri</i> naṅgay
<i>nók^wts</i>	night, ночь	<i>Gk.</i> νύξ (<i>núx</i>)/νύχτα (<i>nýchta</i>), <i>Lat.</i> nox, <i>Lith.</i> naktis, <i>Ltv.</i> nakts, <i>Gm.</i> naht/Nacht, <i>Skr.</i> नक्ती (<i>nákti</i>), <i>Hitt.</i> (<i>nekuz</i>), <i>Russ.</i> ночь (noč'), <i>Alb.</i> natë, <i>Ir.</i> innocht/anochd, <i>Toch.</i> nakcu/ nekcīye, <i>Welsh</i> nos, <i>Eng.</i> niht/night, <i>Polish</i> noc, <i>Old Prus-</i> <i>sian</i> naktin, <i>Goth.</i> (<i>nahts</i>), <i>ON</i> nótt, <i>OCS</i> ношъ (<i>noštī</i>)
<i>(h₁)néwŋ</i>	nine девять	<i>Arm.</i> ինն (inn), <i>Alb.</i> nëntë/nândë, <i>Lith.</i> devyni, <i>Ltv.</i> deviņi, <i>Gaul.</i> navan, <i>Gm.</i> niun/neun, <i>Eng.</i> nigon/ nine, <i>Gk.</i> ἐννέα (<i>ennéa</i>), <i>Av.</i> nauua, <i>Ir.</i> nóí/naoi, <i>Kashmiri</i> nav, <i>Lyc.</i> ἡνῆτάτα-, <i>Kamviri</i> nu, <i>Lat.</i> novem, <i>Oscan</i> nuven, <i>ON</i> níu, <i>Old Prussian</i> newīnjai, <i>Pers.</i> nava/noh, <i>OCS</i> devęti, <i>Polish</i> dziewięć, <i>Russ.</i> девять (devjat'), <i>Skr.</i> नव (nava), <i>Toch.</i> ñu, <i>Umbrian</i> nuvim, <i>Goth.</i> niun, <i>Welsh</i> naw
<i>néh₂-u-</i>	swim плавать	<i>Skr.</i> नौ (nāu), <i>Ir.</i> nau/, <i>Gk.</i> ναῦς (<i>naús</i>), <i>Lat.</i> nāvis, <i>Av.</i> navāza, <i>Pers.</i> nāvīyā/nav, <i>Arm.</i> նաւ (naw), <i>ON</i> nōr, <i>Osset.</i> нау (nau)/нау æ(nauæ), <i>Alb.</i> anije, <i>Welsh</i> noe, <i>Eng.</i> nōwend
<i>népot-</i> (nom. <i>népōt-s,</i> gen. <i>nept-ós)</i>	grandson/nephew внук, племянник	<i>Lat.</i> nepōs, <i>Skr.</i> नपात् (napāt), <i>Av.</i> napāt, <i>Gk.</i> ἀνεψιός (<i>anepsíós</i>), <i>Alb.</i> nip, <i>Eng.</i> nefa, <i>Gaul.</i> nei, <i>Gm.</i> nevo/Neffe, <i>Welsh</i> nai, <i>Kamviri</i> nāvo, <i>Pers.</i> napā/nave, <i>Lith.</i> nepuotis, <i>Ir.</i> necht/; níath/, <i>OCS</i> nestera, <i>Old Russ.</i> нестера (nestera), <i>Polish</i> nieściora
● <i>nu</i>	now ныне, сейчас	<i>Alb.</i> tani, <i>Lith.</i> nū, <i>Ltv.</i> nu, <i>Gm.</i> nu/nun, <i>Lat.</i> nunc, <i>Eng.</i> nū/now, <i>Gk.</i> νῦν (<i>nún</i>)/, <i>Hitt.</i> nu, <i>Luw.</i> nanun, <i>ON</i> nū, <i>Pers.</i> nūra/æknun, <i>Old Prussian</i> teinu, <i>Skr.</i> नू (nū), <i>Toch.</i> num/nano, <i>Goth.</i> nu, <i>OCS</i> nyne
● <i>néwos,</i> <i>néwyos</i>	new новый	<i>Lat.</i> novus, <i>OCS</i> новъ (<i>novŭ</i>), <i>Russ.</i> новый(новый), <i>Gk.</i> νέος (<i>néos</i>), <i>Hitt.</i> newa, <i>Eng.</i> nīwe/new, <i>Skr.</i> नव (<i>náva</i>), <i>Av.</i> nava, <i>Lith.</i> naujas, <i>Ltv.</i> naujš, <i>Gaul.</i> Noviodūnum, <i>Gm.</i> niuwī/neu, <i>Kamviri</i> nuī, <i>Kashmiri</i> nōv, <i>Osset.</i> ног (nog)/нæуæг (næuæg), <i>Polish</i> nowy, <i>Welsh</i> newydd, <i>Pers.</i> /نَو (nau), <i>Toch.</i> ñu/ñuwe, <i>Old Prussian</i> nauns, <i>Oscan</i> Núvellum, <i>Goth.</i> niujis, <i>Ir.</i> nue/nua, <i>ON</i> nýr, <i>Thrac.</i> neos, <i>Luw.</i> nāwa

<i>nisdós</i>	nest, гнездо	secondary root, from ni- + sed. OCS gnězdo, Russ. гнездо (gnezdo), Eng. nest/nest, Arm. նիսոս (nist), Skr. नीड (nīḍá), Ir. net/nead, Gm. nest/Nest, Polish gniazdo, Welsh nyth, Lat. nidus
---------------	--------------	---

Существование успешно реконструируемого ныне праславянского языка относят приблизительно к периоду 1500 года до Р.Х. – 500 гт. по Р.Х.. Ранее (ок. 2000—1500 гт. до Р.Х.) существовала балто-славянская общность (предков современных славянских и балтийских народов). Существование реконструируемого ныне праиндоевропейского языка предполагается в районе от 5000 до 2000 г. до Р.Х. О более раннем периоде истории языка, ностратическом (как нам представляется, довавилонском), можно только строить предположения, согласно которым, в частности, «для исходного и[ндо]-е[вропейского] **nū-* предполагается родство с **neuos* 'новый!'. Такого мнения придерживались авторитетные лингвисты Миклошич, Брюкнер, Фасмер, Мачек, Траутманн, Покорны, Мейлет, Стуртевант, Иллич-Свитыч.²³

Вот, подобный приведённому выше перечень²⁴ гнездовых морфем праиндоевропейского языка (с кратким описанием), основанный на «Американском исконном словаре индоевропейских корней» К. Уоткинса:

1. **nas-** (нос): рус. нос
2. **na:u-** (лодка): лат. навигация
3. **ndher-** (под): ?
4. **ne** (не) {**ne**}: рус. не
5. **nebh-** (облако) {**nebo**}: рус. небо
6. **ned-** (завязывать)
7. **nek⁻¹** (смерть) {**neko**}: гр. некро-
8. **nek⁻²** (достигать)
9. **nek^w-t-** (ночь) {**neкто**}: рус. ночь
10. **nem-** (назначать, предоставить)
11. **nero:t-** (внук, племянник): этр. нафот «внук, племянник или зять»
12. **ner⁻¹** (под): ?
13. **ner⁻²** (мужчина)
14. **nes⁻¹** (вернуться невредимым)

15. **nes-**² (косв. ф-ма «мы»): рус. ны, нас
16. **•neu-** (кричать): рус. нить?
17. **newN** (9) {**neun** > **new**, **nun**}: рус. девять (от невать)
18. **•newo-** (новый) {**newa**, **neva**}: рус. новый
19. **nobh-** / **ombh-** (пуп)
20. **nogh-** / **ongh-** (ноготь, коготь): рус. ноготь
21. **nog^w-** (нагой) {**noga**}: рус. нагой
22. **no:-men-** < **h₁no:h₃mN** (имя) {**nomeno** > **nomo**}: рус. имя?;
23. **•nu-** (теперь): рус. ныне

К аргументам о родстве корней *neu-* (кричать, рус. нить?; в первой таблице – корень *neh₂-u-*) с *newo-* (новый {*newa*, *neva*}; в первой таблице – корень *néwos*, *néwuos*) и *nu-* (ныне, сейчас; в первой таблице – корень *nu*) в указанном словаре (К. Уоткинса) добавлен следующий²⁵:

«*neu-* To shout. Suffixed (participial) o-grade form **now-ent-(yo-)*, “shouting.” *nuncio*; announce, denounce, enunciate, internuncio, pronounce, renounce, from Latin *nnntius*, “announcing,” hence a messenger, also a message, and *nnntium*, message». (Кричать. Форма причастия, образованная при помощи суффикса при нулевой степени аблаута *now-ent-(yo-)*, “кричащий”; *nuncio* объявить, денонсировать, провозглашать, обмениваться вестями, произносить, отказываться, от латинского *nnntius*, “объявляющий”, следовательно, посланник, а также сообщение, и *nnntium*, сообщение)²⁶.

Всё сказанное означает, что праиндоевропейские корни *neh₂-u-* (труп, мучить), *nu* (ныне, сейчас) и *néwos*, *néwuos* (новый) имеют общее ностратическое (т.е. ещё более древнее) происхождение. Это, в свою очередь, означает, что такие русские слова, как нитьё, уныние, нужда, ныне, новый, навь, выходят из одного ностратического корня и связаны со значением настоящего времени, что не может не подтолкнуть к философскому осмыслению этих понятий.

5. Общий смысл праиндоевропейского корневого гнезда **nāu-*/**nāu-*/**nū* и ностратического гнезда **nu-*

Общий смысл этого гнезда, состоящий из смыслов «кричать, объявлять, унывать, нуждаться, мучить, новый, ныне и под.», вполне определённо усматривается в философской максиме, что «человек говорит всегда о том, что болит, в чём он нуждается», или, как говорит русская пословица, «что у кого болит, тот о том и говорит»: в настоящее время все наши слова – это суть слова о наших нуждах и страданиях.

В связи с этим вспоминается крылатая фраза исихастов о том, что «молчание – таинство будущего века», потому что не будет больше страданий и нужды, а всё непонятное станет предельно ясным. Не об этом ли нам сообщает также древнее понуждающее междометие «ну!»²⁷, которое, вероятно, и есть сохранившийся в чистом виде древний праиндоевропейский или даже ещё более древний корень *ni-*.

**ni-* Now. Related to newo-. 1. now, from Old English n, now. 2. quidnunc, from Latin nunc, now (< *nun-се; -се, a particle meaning “this,” “here”; see ko-)²⁸.

(**ni-* Ныне (теперь). В связи с newo-. 1. Теперь, от старого английского n (в настоящее время). 2. quidnunc (сплетник), от латинского nunc (в настоящее время) (< *nun-се; -се – частица означает “это”, “здесь”, см ko-)²⁹.

Когда мы произносим междометие «ну!», то в виде императива (повелительного наклонения) сообщаем о неотложной в данный момент нужде совершить некое новое неприятное, мучительное усилие. Смыслы всего гнезда укладываются в этом древнейшем корне и одновременно междометии: «Сделай это, как бы это ни было мучительно, сейчас же и здесь, потому что это нужно, иначе останется только унывать! Ну же!». Академический словарь подтверждает взаимосвязь означенных слов и смыслов и свидетельствует о древности корня ну, указав на звукоподражательную его природу: «Праслав. **ni* – исконно, вероятно, междометие звукоподражательного происхождения, ср. соотносительные по функциям **na* (см.), **no* (см.), **nъ* (см.). На и[ндо-европейском] уровне можно говорить лишь об элементарных соответствиях, ближе всего – лит[овское] *ni* 'ну! ну-ка!', далее ср. греч. *vúv*, *vuv* (энкл.), *vv* 'ну, же, (и)так, так, да', др[евне]-инд[ийское] *ni* 'конечно, пожалуйста', нем. *nun* и даже эст[онское]. *nõõ* 'ну-ка!'... По мнению О.Н. Трубачева (устно), сближение с греч. *vv* и нем. *nun* подводит к вопросу о связях с гнездом праслав. **nup*, уже не звукоподражательного происхождения»³⁰.

Здесь мы можем допустить поэтическую, но не лишённую правдоподобия гипотезу, что звукоподражание это возникло из того носового звука, который сам собою возникает у плачущего человека. Возможно, первыми «не райскими» словами и были как раз эти, возникшие у изгнанных из рая, познавших настоящую нужду, плачущих Адама и Евы...

6. Смысл приставки «у» в слове уныние

Действительно, при создании с помощью приставки «у» нового слова, подобного *нытью*, но в отношении духа человеческого, предположительно должно было бы получиться некое *у-нытьё* или иное что подобное от того же корня, но мы имеем *у-ныние*, то есть *нахождение близ того, что есть ныние, близ того, что есть ныне, теперь, в настоящее время*.

В болгарском языке «ныне – нареч. уст. книжн. – *сега́, днес.*». «Нынешний разг. – *сега́шен, днёшен, съврѣменен*³¹», «ныне нареч. уст. см. *сега́. нѣнешен, ~на, ~но; ~ни* уст. см. *сега́шен*»³². То есть, в современном болгарском языке слово *ныне* является устаревшим, но существующим... Вообще, у всех православных народов также в той или иной степени употребимо это слово благодаря церковнославян-

ским сакральным текстам. (Слово *ныне*, к примеру, весьма часто употребляется в священных текстах христиан благодаря формуле «Ныне, и присно, и вовеки веков»).

Но в том или ином виде слово *ныне* также отражено и понимаемо в подавляющем большинстве индоевропейских языков благодаря своей неизменности и узнаваемости.

Например, хотя «ныне» по-польски будет «*obecnie*» или «*teraz*», или «*dziś*», но в польском языке есть слово «*niniejszy*» – «настоящее время».

И далее³³:

Русский	ныне	чешский	yní, teď
украинский	тепер, нині	латинский	nunc [нунк]
белорусский	цяпер, сягоння, сённа, («ныне» как церковнославянизм, то же и в языках с церковно- славянскими сакральными текстами)	древнегреческий	vōv [нин, нюн]
болгарский	seга	английский	now [нау]
боснийский	sada	шведский	nu
польский	teraz, dziś, obecnie (niniejszy- настоящее время)	панджаби	ਹੁਣ [хуна]
сербский	сада	бенгали	এখন [эксхун]
словацкий	teraz	древнеиндийский (по Фасмеру)	nīpām [нунам]
словенский	sedaj	санскрит	अधुना [адхуна]
хорватский	sada, danas	эсперанто	nun

Как видим, и при создании эсперанто был предпочтён корень нун как наиболее узнаваемый.

Отсюда с большой вероятностью можно предположить, что при создании переводов святыне Кирилл и Мефодий сознательно взяли легко узнаваемое в любом языке слово «ныне» для создания нового духовного понятия «уныние», но созвучного со старым «плотским» и вульгарным понятием «нытья».

7. Подтверждение в старославянских текстах

Подтверждением этой версии является слово «*унынение*», которое встречается в *Супрасльской* рукописи (274, 29), датируемой серединой XI века³⁴

**ОУНЫНІЄНІЮ, -на с (1) ἀκηδία подавлен-
иость, тоска skleslost, ochablost: нанваште
же прѣдъ сънѣмъ молитвы твораше • н
кънигы почитааше • то бо кмоу бѣаше тѣчьж
оунынѣнню въсхлаштѣнню (! в.м. въсхлаштѣннѣ)**

Это слово *унынение* явно указывает на ещё свежее происхождение от слова *ныне*. Греческое же слово *ἀκηδία* в переводе означает: беззаботность, пренебреже-

ние к себе, небрежность.

Подобные случаи упоминаются у И.И. Срезневского из Пандектов Антиоха по списку XI в. Воскресенского Новоиерусалимского монастыря –

УНЫНЬЦЫИ — прилаг. отъ сл. УНЫНИЕ — склоняющийся къ унынію, къ лѣности: — Оуныньцыи бѣсъ (τῆς ἀκηδίας). Панд. Ант. XI в. л. 64.

и из «Временника Георгия Амартола» по списку библиотеки гр. А.С. Уварова 1456 г. –

УНЫНАТИСА — внадать въ уныніе, отчаиваться: — И трѣжамса и оунынамса зѣло и скорба премно̑ (ἀθρομῶν). Георг. Ам. (Увар.) л. 65.

Здесь греческое слово в переводе означает *отчаяние* и *уныние*.

В дальнейшем, благодаря созвучию и схожести смыслов, слова уныние и нитьё, унывать и нить могли производить общие для них словоформы в спряжениях, склонениях и производстве новых слов. Впрочем, даже если слово уныние произошло не от слова ныне, эти слова имеют, как мы убедились, общие древние корни и общую древнейшую семантическую нагрузку.

8. Похвала святым равноапостольным Кириллу и Мефодию, учителям словенским

Мы увидели, насколько сложно было создавать всего лишь одно слово, вызванное к существованию необходимостью передавать духовные смыслы и предохранять от духовного ущерба, и то, насколько заложенные в интуицию языка духовные смыслы бывают полезными для спасения души. Но святыми Кириллом и Мефодием был создан целый язык! И подобных решений при этом производилось великое множество, что, конечно, особо выявляет и подчёркивает глубину образованности, мышления, святости и заслуг святых Солунских братьев.

II. Богословско-педагогический анализ понятия «уныние»

1. Богословская причина создания слова «уныние»

Итак, на основании филологического анализа можно сделать вывод, что *уныние* – слово, созданное искусственно для церковнославянского языка как альтернатива слову *нить*, использовавшемуся исключительно для характеристики душевно-телесных свойств, чтобы отражать подобное негативное состояние человеческого духа. Древнему, так называемому «ветхому», человеку уныние (т.е. духовное прозябание, бездействие) было свойственно как состояние естественное,

отчего не было и нужды в существовании слова для его определения в таких не развитых и не письменных языках, как праславянский. Для возникновения такого определения необходима альтернатива, нечто противоположное, некая бодрость духа человеческого, которая возможна только как дар Духа Божия, или, хотя бы, осознание необходимости такого дара. Этого *противоположного уныния* не существовало, но были состояния, которыми пытались сопротивляться унынию, как праведники, так и грешники. У грешников это суть различные эрзац-радости типа куража или опьянения, у праведников – надежда на Спасителя: «Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога, ибо я буду еще славить Его, Спасителя моего и Бога моего» (Пс.41:6). В соответствии с христианским богословием состояние всеобщего уныния – естественное состояние человечества до пришествия Христа. Но и христианам такое состояние духа известно, и бывает оно по причине либо неопытности в духовной жизни, либо по причине сознательно допускаемой духовной лености и бездействия. То есть, унынием можно назвать нестроение духа, отпадающего от духовной жизни, выпадение из Божественного послушания, из воли Божией или проживание не своей жизни, не предназначенной данному человеку, – езда «не в своей колее».

2. Блаженный Августин о времени

Но как удалось и зачем понадобилось святым Кириллу и Мефодию распознать значения слов, которые наука распознала только спустя тысячелетие? И зачем слово *уныние* нужно было создавать от наречия *ныне* и связывать, таким образом, со значением времени? Ответить на этот вопрос нам поможет блаженный Августин Аврелий (354 – 430), труды которого образованные христиане читали во все времена. Невозможно предположить, чтобы и равноапостольные Кирилл и Мефодий также не были знакомы с его богословием.

В весьма известном своём произведении «Исповедь» блаженный Августин пытался осмыслить понятие времени. Ход его мысли таков³⁵. Прошлое время – это то, что уже прошло, а будущее – это то, что еще не наступило. Но то, что прошло, уже не существует, а то, что в будущем, – еще не существует. Реально только то, что существует в настоящем. Но мы можем измерять время прошлое и время будущее, а время настоящее мы измерить не можем. Время прошлое мы можем измерить, потому что оно уже прошло и мы знаем сколько оно длилось, а время будущее мы можем измерить предположительно, в качестве нашего ожидания. Настоящее же мы измерить не можем, потому что оно не имеет длительности. Настоящее – это неуловимая грань между будущим и прошлым. Может ли быть некий выделенный промежуток времени, например в сто лет, в настоящем? Нет, настоящим может быть лишь один из ста. А может ли этот год быть весь в настоящем? Нет, сейчас может длиться только один месяц из двенадцати. А из всего месяца может длиться лишь один день. И так до бесконечности дробя текущий промежуток времени, Августин приходит к выводу, что настоящее – это бесконечно малое мгновение, не имеющее длительности.

Если прошлого и будущего времени не существует, а настоящее бесконечно мало, т.е. практически равно нулю, то оно не существует также. Как же можно говорить об этих временах? Или они все-таки существуют? Так рассуждая, Августин приходит к мысли, что прошлое существует только как настоящее в нашей памяти. Будущее тоже существует как настоящее в нашем уме, как предположение того, что должно произойти. «Совершенно ясно теперь одно,- говорит Августин,- ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен: прошедшего, настоящего и будущего... есть три времени – *настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего*. Некие три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего – это память; настоящее настоящего – это непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание».³⁶

3. Мистика времени уныния и отчаяния

Если человек не осмысливает прошедшее как руководство к действию, то оказывается в ситуации *не осмысленного созерцания*, и *настоящее настоящего* остаётся не заполненным, как это бывает, к примеру, у переживающих амнезию. Деятельность может возникнуть только на основании накопленного в прошлом опыта, и если этот багаж сознательно игнорируется, возникает бездеятельное предстояние перед настоящим – уныние, то есть возникает духовная ситуация уныния, духовного бездействия, небрежения (*ἀκηδία*).

Но без деятельности исчезает и настоящее будущего, так как в ситуации бездействия не существует ничего, что определённо можно было бы ожидать, по-славянски *чаять*, а это уже и есть состояние *отчаяния*. Уныние с отчаянием отнимают у человека настоящее прошедшего и настоящее будущего, сворачивая жизнь в настоящее настоящего, которое, как видится, хотя и единственное реальное время, но само по себе, без настоящего прошедшего и настоящего будущего, ничтожно. Здесь уместно вспомнить, что в приведённой выше статье из словаря В. И. Даля синонимом к слову *унывать* дано слово *отчаиваться*, – именно они отнимают два крыла человеческого духа, личные прошедшее и будущее. Мистическое время жизни человеческой в этом случае сворачивается в точку настоящего и исчезает в ней, превращается в чёрную дыру бездуховности, отчего, как следствие, возникает непреодолимое *желание небытия*, губительный восторг перед вечностью с перечеркнутым прошлым и не ожидаемым будущим. «Чую с губительным восторгом: пропадаю, пропадаю!» – пел лирический герой известной песни В. В. Высоцкого «Кони». По-гречески восторг – это экстаз, то есть выход, исторжение. В состоянии экстаза пребывали святые, когда изымала их из этого мира божественная благодать³⁷. По всей видимости, выходит, что губительный восторг (экстаз) – это тоже есть предвкушение и начало ухода в вечность, но в вечность одновременно бытия и небытия, в вечность обесмысленную, он есть ощущение *трагического* ухода в вечность. Чёрная дыра уныния и отчаяния решительно и непреодолимо пожирает

вселенную, называемую человеком, сведя это бытие в точку вечного *ныне без прошлого и без будущего*.

III. Богословско-педагогический метод против уныния и отчаяния

1. Дисгармония во временах

Итак, если время сотворено Богом, Сам же Он пребывает в вечности, то каждый, кто желает пребывать в Боге и жить в Его вечности, будучи одновременно жителем этого мира, должен жить одновременно в трёх временах: настоящем прошедшего, настоящем настоящего и настоящем будущего, как в специально сотворённых для нас вместилищах. Жизнь в Боге возможна в том случае, если, во-первых, эти времена плавно перетекают друг в друга, а во-вторых, сливаются с Божественной вечностью. Избежать разрыва в триаде времён, исчезновения какой-либо составляющей из этой взаимосвязанной цепочки – насущная задача, которая легко разрешима, если только опыт прошлого правильно осмыслен в соответствии с Волей Божией, положен в основание деятельности и подразумевает реальный положительный результат в будущем.

Человек в любом случае живёт в настоящем настоящего, но способен отсечь себе два крыла. Если всё своё бытие сосредоточить на настоящем моменте, не осмысливая настоящее прошедшего, то бездеятельность уничтожит также и настоящее будущего и сведет бытие к ничтожности – к настоящему настоящего.

Если бытие сосредоточить на настоящем прошедшего, не надеясь на будущее, то снова произойдёт впадение в уныние, которое в этом случае получило и своё специфическое наименование – *ностальгия*. Длительное время ностальгия даже считалась болезнью, так она трактуется и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля.

Если бытие сосредоточить на настоящем будущего, бесосновательно пренебрегнув двумя другими временами, произойдёт *крушение ложной надежды*, откат назад, опять же в точку вечного уныния. Классическим примером здесь видится старуха у разбитого корыта из сказки А. С. Пушкина про золотую рыбку.

Во всех трёх случаях гармония бытия в личном времени человека нарушается по личной же его воле и по причине отсутствия надежды на вечную волю Бога. Христианин же обязан быть реалистом более кого-либо и видеть грань между исполнимым и неисполнимым и между тем, что делает Бог и что обязан делать человек.

2. Отрицательное содержание метода

2.1. Христианская наука познания границы между волей личной и волей Божией

Нехристианское сознание никак не способно провести границу между свободой и несвободой человека. Детерминисты считают, что «все происходящее в мире, включая ход человеческой жизни и человеческой истории, предопределено либо судьбой, либо богами (учение о предопределении, теологический детер-

минизм), либо природой (космологический детерминизм), либо человеческой волей (антропологическо-этический детерминизм), либо развитием общества (социальный детерминизм)»³⁸, проще говоря, последовательностью причин и их следствий – причинно-следственными связями.

То же и относительно нравственности. Детерминистами в этике являются, например, те, кто верит, что бытие определяет сознание, а такими были ещё недавно управлявшие половиной мира марксисты. «Детерминизм в этике — это концепция, отрицающая нравственную свободу выбора и рассматривающая нравственное поведение человека с точки зрения причинно-следственной обусловленности. Противоположностью детерминизма является индетерминизм, объявляющий безусловную независимость нравственной свободы как основного выражения личности.

Таким образом, с точки зрения всех детерминистских концепций, человек осуществляет нравственный выбор не свободно, а под воздействием определенных космологических, биологических и психологических законов, которые господствуют над человеком и определяют его нравственное поведение. Детерминисты могут сказать, что человек считает себя свободным лишь потому, что он сознает свои желания и свои действия, но причины, которые их вызвали, он не сознает. В индетерминизме, наоборот, нравственный выбор и поведение человека всецело основаны на свободе. Свобода объявляется главным выражением личности. *В православном богословии интерпретация нравственного выбора в равной степени свободна от крайностей как детерминизма, так и индетерминизма*»³⁹. То есть, что-то в нашей жизни зависит от нас, что-то зависит от Божественного промысла о нас, от Божественной воли относительно нас. И граница эта проходит, в том числе, и по времени. Там, где существует вечность для человека, она проявляется в существовании трёх времён: настоящем прошедшего, настоящем настоящего и настоящем будущего. Только в этих временах всё зависит исключительно от нашего выбора и наших действий.

Но в то же самое время мы видим не только то, что является следствием действия нашей воли, но и результаты неких таинственных явлений или действий других людей, и то, как их отдельные усилия таинственным образом складываются в некие общие, часто непредсказуемые дела и последствия. Так *наше* время соприкасается с *Божественной* вечностью, ощущаемой нами со стороны как прошедшее, настоящее и будущее, в которых живёт всё мироздание в целом. И в этом времени всецело властен только Бог. Только от Него зависит то, что происходит в этом времени:

Вечность Бога	Вечность человека
прошедшее, настоящее и будущее (как это видится со стороны человека)	настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего (как это ощущает человек в себе)
властен только Бог	властен только человек

Эти две вечности проникают друг в друга неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно⁴⁰, составляя богочеловеческую систему времени, и грань между ними не должна размываться в нашем сознании, мы обязаны её чётко видеть, чтобы не терять надежды, пытаясь присвоить себе волю Божию и, напротив, чтобы не бездействовать в том времени, которое предназначено для нас.

Что это значит на практике? Если человек надеется преуспеть в чём-либо или достичь чего-либо, то есть, если человек наметил себе некий статус, то он питает ложную надежду, так как это зависит не от него, но только от Бога. От человека же зависят только решение действовать и характер действия.

Никто не знает, что будет он делать через мгновение, тем более – через час. Значительно проще сказать о том, что мы будем делать в течение дня или жизни... То есть, проще сказать о том, что нам предстоит делать не в тактическом, а в стратегическом, генеральном направлении, о том, что мы намереваемся делать, а не о том, чем располагает Бог, – не о реальности. В реальности же генеральное направление чаще всего оказывается не таковым, как мы представляли, и вера наша в наши мечты оказывается безосновательной и подводит нас, разбивая наши надежды.

Да и не этому же ли учит школьная программа: «Только что человек соберется съездить в Кисловодск,... пустяковое, казалось бы, дело, но и этого совершить не может... Неужели вы скажете, что это он сам собою управил так? Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой?»⁴¹.

Апостол Иаков так говорит об этом в Библии: «Теперь послушайте вы, говорящие: «сегодня или завтра отправимся в такой-то город, и проживем там один год, и будем торговать и получать прибыль»; вы, которые не знаете, что случится завтра: ибо что такое жизнь ваша? пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий. Вместо того, чтобы вам говорить: «если угодно будет Господу и живы будем, то сделаем то или другое», вы, по своей надменности, тщеславитесь: всякое такое тщеславие есть зло. Итак, кто разумет делать добро и не делает, тому грех» (Иак.4:13-17).

Наконец, о том же истинном положении вещей и устройстве времени и мироздания свидетельствовал и Сам Христос: «Подошли к Нему сыновья Зеведеевы Иаков и Иоанн и сказали: Учитель! мы желаем, чтобы Ты сделал нам, о чем попросим. Он сказал им: что хотите, чтобы Я сделал вам? Они сказали Ему: дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую в славе Твоей. Но Иисус сказал им: не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь? Они отвечали: можем. Иисус же сказал им: чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься; а дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня [зависит], но кому уготовано. И, услышав, десять начали негодовать на Иакова и Иоанна» (Марк 10:35-41).

И напротив, если христианин научился гармонично жить в своём личном времени и в соприкосновении с Божественной вечностью, а это и значит «жить ради Бога», то происходят удивительные вещи: всё, что делается таким христианином,

делается одновременно и на этой земле (в личном времени), и в Царствии Небесном, и всё приобретает вечную ценность. Преподобный Серафим Саровский учил: «Только лишь ради Христа делаемое доброе дело приносит нам плоды Святого Духа. Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, но мзды в жизни будущего века не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает. Вот почему Господь Иисус Христос сказал: «Кто не собирает со Мною, тот расточает» (Лк. 11:23)⁴².

По всей видимости, в принципе не существует никакой надежды, кроме надежды на Управляющего Бога, или, как принято традиционно говорить в богословии, Промышляющего. Бог управляет обстоятельствами нашей жизни, при которых проявляется возможность для нашего выбора добра и зла. Там же, где выбор за нами, – в экзистенциальном мгновении, в настоящем настоящего, – обязана действовать наша добрая воля, опирающаяся на настоящее прошедшего и на наши человеческие предположения («если Богу будет угодно») в настоящем будущего. Более того, тот, кто не намерен «торговать и получать прибыль», но делать дела вместе с Богом, тот способен быть не пассивным орудием, но связать свои действия непосредственно с действиями Бога в этом мире и уподобиться Христу, сказавшему: «Отец, бывающий во Мне, Он творит дела» (Иоан.14:10).

2.2. Ощущение границы между личной волей и случайным доступно также всем людям

Всемирная организация здравоохранения и результаты медицинских исследований приводят до восьмисот причин, приводящих к самоубийству... Семейные конфликты, разводы, неудачная любовь, смерть или потеря близкого человека, одиночество, недостаток внимания и заботы со стороны окружающих, хронические или затяжные травмирующие ситуации в сфере межличностных отношений, неудачи на работе, в учёбе, денежные потери, неудачный социальный опыт (например, выпадение из социальной группы, потеря работы, крах карьеры), социальная изоляция, изменение привычного стереотипа жизни... Но этот список сам по себе ничем не помогает в борьбе за жизнь. Если внимательно присмотреться к этим причинам, то можно найти, что они могут являться, в сущности, настолько же побудителями к смерти, насколько и побудителями к обновлённой жизни, и даже более того, – к жизни более качественной и полноценной. В то время как для одних такие причины становятся лишь поводом для иронии («всякая ирония основана на несоответствии возможного и реального, желаемого и действительного»⁴³), для других такая же неудача, как это ни странно, становится вполне оправданной причиной уйти из бытия.

Но приводимые причины таковыми не являются по сути, они лишь – поводы. Причина же одна – рухнувшая в каждом случае ложная надежда, а надежды – продукт личности. Так как все мы живём от прошедшего к будущему, то именно этот вариант⁴⁴ негармоничного распоряжения личным временем – вариант разбитого корыта – случается чаще всего. Число же личностей, впавших из-за несбывшихся надежд в перманентное уныние (фрустрацию и депривацию) или потерявших

смысл жизни, и вовсе не поддаётся подсчёту.

Даже если ложная надежда исполняется, она не перестаёт быть ложной, потому что она исполняется не потому, что существует, но потому что случайно совпадает с Промыслом Божиим, и эта её ложность будет ощущаться всегда. Следовательно, не имеет смысла ставить перед собою независящие от нас цели и питать призрачные надежды. Чёткое осознание того, что от нас зависит и что не зависит, – условие духовного и душевного здоровья и счастливой жизни как верующего, так и атеиста. Разница лишь в том, что один чуток к воле Божией, а другой осознаёт область случайного как недостойную того, чтобы полагать в ней свои надежды.

Приучая детей к питанию ложными надеждами, педагог содействует проявлениям уныния и отчаяния у своих учеников и даже может стать виновником их суицидов. Даже если педагог всего лишь приучает ученика к получению отличных оценок, это уже может приводить к крушению ложных надежд, потому что получение отличной оценки зависит, во всяком случае, не от ученика.

Таким образом, мы пришли к отрицательной стороне метода, к пониманию того, чему нельзя учить. Во-первых, нельзя учить делать то, что в компетенции Бога, во-вторых, нельзя учить дисгармонии в личном времени человека, в частности, ставить цели, достижение которых не обоснованы в настоящем прошедшего и настоящем настоящего.

Впрочем, эта истина давно известна, и мы здесь всего лишь делаем дополнительный акцент на том, что наши представления о наших возможностях слишком преувеличены и именно поэтому приводят к трагическим последствиям. Сознание реальных своих возможностей и использование их должно стать постоянным упражнением и образом жизни каждого, кто не желает выпасть из воли Божией или хотя бы не испытывать разочарований.

Но чему должен учить педагог? Какова положительная сторона метода? Каковы добрые дела, о которых апостол Иаков сказал, что если кто разумеет их делать и не делает, тому грех?

3. Положительное содержание метода. Служение красоте (воспитание ощущения свободы)

3.1. Сущность и форма личного времени христианина

Если, в соответствии с нашими выводами, во избежание крушения ложных надежд отказаться от пустых мечтаний, то вместе с тем придётся отказаться и от ложного услаждения, происходящего от них. Но ведь часто именно ожиданием этого наслаждения живёт человек на земле! Что же можем мы дать взамен, ведь человек не может существовать без наслаждения и радости? Для верующего здесь нет проблемы – Богообщение, стяжание благодати Духа Святого⁴⁵ способно удовлетворить потребность человеческого духа в счастье, так как *природа* счастья, его сущность именно в этом процессе и заключена. Внешнее же проявление стяжания благодати Духа Святого, его *форма* – это делание в настоящий момент добра ради Бога с учётом прошлого и с намерением духовного возрастания в будущем, – вот

простая мудрость христиан. Простая девица в сказке Николая Лескова «Воля Божия», отвечая на вопросы королевского посланника о воле Божией, говорит:

– Хорошо, что ты не задал мне дело трудное, сверх моего простого понятия, а загадал дело Божие, самое простое и легкое, на которое в прямой душе ответ ясен, как солнышко. Изволь же ты меня теперь про эту простую премудрость твою по порядку расспрашивать, а я о ней по тому же порядку тебе и ответы дам.

– Молви, девица: какой час важнее всех?

– Теперешний, – отвечала девица.

– А почему?

– А потому, что всякий человек только в одном в теперешнем своем часе властен.

– Правда! А какой человек нужнее всех?

– Тот, с которым сейчас дело имеешь.

– Это почему?

– Это потому, что от тебя сейчас зависит, как ему ответить, чтоб он рад или печален стал.

– А какое же дело дороже всех?

– Добро, которое ты в сей час этому человеку поспеешь сделать. Если станете все жить по этому, то все у вас заспорится и сладится. А не захотите так, то и не сладите⁴⁶.

Но и христиане не всегда понимают эту простую мудрость, о чем и сказано в конце сказки, что этот совет был записан, но по королевскому маловерию и мало-душию, и по его приказу это «списание до сих пор лежит под печатями, а дела в королевстве идут все опять по-старинному, и все там опять не спорится, не ладится, а идет все, как было при дедах и прадедах. Не пришел еще, видно, час воли божией»⁴⁷.

3.2. Сущность и форма личного времени человека, не выбравшего служение Богу

Но, тем более актуальным становится вопрос о том, какой метод посоветовать для *не выбравших служение Богу*? Можно было бы таковым посоветовать быть справедливыми, добрыми, исполнительными, трудолюбивыми, добросовестными, сознательными и прочее, и прочее, то есть учить нравственности. Но сами по себе эти качества не доставляют человеку счастья, напротив, скорее, делают несчастными, о чём и апостол Павел сказал: «буква убивает, а дух животворит» (2 Кор.3:6).

Единственным выходом из столь сложной ситуации является только служение красоте, единственному, что улаживает одновременно и верующего, и неверующего, ведь красота есть тень Бога, отражение Его образа и подобия в творении. Познание красоты, созидание красоты и любование красотой есть достойный и единственный заменитель любой ложной надежды.

Вывод этот естественным образом проистекает из предыдущего параграфа о форме и сущности личного времени христиан. Стяжание Духа Святого даёт ощущение счастья (а счастье всегда даётся именно в ощущении), форма же его

– доброделание, что нам хорошо показала сказочная девица. Призывы к доброделанию должны иметь место всегда, но не выбравший служение Богу не будет ощущать счастья от доброделания, потому что его личное время не будет иметь сущности – стяжания благодати Духа Святого, то есть не будет проникаться Божественной вечностью. Следующий же путём доброделания только из соображения долга – явление значительно более редкое, во-первых, потому что для этого нужна сознательность, а её, в особенности от детей, требовать невозможно, во-вторых, потому, что сознательность не делает человека счастливым. Но счастливым может сделать красота. Всё, что делает христианин вместе с Богом, делается красиво, так как Бог не творит иначе. Следовательно, счастье христианина заключается в двух составляющих: в Богообщении как в сущности и в красоте как в форме, счастье же неверующего заключается только в красоте.

3.3. Экзистенциальное подтверждение

Одним из самых ярких и продуктивных подтверждений того, что красота должна стать основой педагогического метода против уныния и отчаяния, является учение о стадиях человеческого существования, ключевое в богословском наследии одного из самых известных христианских писателей XIX века, основателя экзистенциализма, датчанина Сьерена Кьеркегора. Впервые Кьеркегор формулирует его в труде «Или — или», окончательно – в работе «Заключительное ненаучное послесловие к „Философским крохам“».

Кьеркегор делит людей на четыре типа:

обыватель (Spidsborgeren),

эстетик (Æstetikeren),

этик (Etikeren),

религиозный человек (den Religjöse).

Обыватель как бы выпадает из бытия, так как имеет неподлинное существование – «жизнь, как у всех», без осознания уникальности своей личности, без нахождения истинного призвания. Он находится в том состоянии, о котором сказано Адаму «смертью умрешь» (Быт.2:17). Подлинное же существование – это выбор сознательный, превращение в хозяина и властелина своей судьбы. Подлинное существование и есть экзистенция. «С точки зрения Кьеркегора, существует три основных типа экзистенции, или три стадии человеческого существования: эстетическая, этическая и религиозная, причем разложены они именно в этой последовательности, так что первые два типа по сути выступают как предварительные этапы на пути к экзистенции религиозной»⁴⁸.

Эстетик выбирает удовольствия. Чувства долга и ответственности для него не актуальны, он живёт сегодняшним днём и наслаждается жизнью. Он творит свой духовный мирок, но большой внешний мир прорывается в этот мирок и эстетик чувствует, что его эгоистический мирок ущербен.

Человек может перейти через переживание отчаянья на этическую стадию тогда, когда его поступками руководит разум и чувство долга. Этик не чувствует, что

его жизнь пуста. У него развито чувство долга и ответственности, он разбирается, где добро и где зло, что такое хорошо и что такое плохо.

В конце концов, человек может прийти к осознанию ограниченности как эстетического, так и этического образа жизни, снова испытав отчаянье. Тогда может произойти прорыв на духовную стадию, где человеком руководит вера. Такова концепция Кьеркегора.

3.4. Идолы и их характеры

Три кьеркегоровских типа, подобно реминисценции, легко распознаются в христианской традиции. Религиозный человек подобен человеку Нового Завета, этик – Ветхого, а обыватель – это язычник, он просто живёт животной жизнью. Но почему в один ряд с ними поставлен эстетик, никогда ранее в христианской традиции не входивший в эту категорию?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратим внимание на качество бытия каждого типа, ведь для экзистенциализма это есть ключевая характеристика, на основании которой и определились, в свою очередь, именно эти четыре типа... «Представление Кьеркегора об эстетической стадии существования в значительной степени навеяно идеями Фр. Шлегеля и йенского романтизма... Эстетиком является не только художник, но и вообще всякий человек, для которого значимо прежде всего «наслаждение»⁴⁹.

Наслаждение и счастье – категории для многих не различимые. Обыватель и этик лишены естественного счастья, эстетик и религиозный человек счастливы каждый по-своему. Религиозный человек служит единому Богу – *сущности* бытия, а Бог – есть блаженство (счастье в превосходной степени) по Своей сущности. Эстетик же служит *форме* бытия – прекрасному, а прекрасное также способно делать счастливым, но счастьем, производным от блаженства, его ещё называют наслаждением.

Этик служит множеству правил, на которые распадается его духовная жизнь, а обыватель вынужден выбирать из множества статусов, которые приняты в обществе как положения успеха, как его воплощения и символы.

Всё, чему служит человек без Бога, – суть идолы...

Идолы статуса (или положения) – это многочисленные образы успеха, ложные надежды, влекущие к себе обывателя: я – богат, я – знаменит, я – великий ученый, поэт, спортсмен, политик, кинозвезда; я – в дорогой машине с красивой моделью, я – святой, я – великий грешник, я – великий мизантроп, я – великий человеконенавистник. Бывают статусы и поскромнее: я – отличный профессионал, хороший семьянин, отличник учёбы, примерный гражданин... Такие статусы безобидны и неизбежны в раннем детстве, когда чехарда фантазий имеет характер игры. Но взрослого эти мёрюки влекут за собою в настоящее будущего так, что не замечает обыватель, что достижение статуса не зависит от воли человека и не имеет прямой связи с его действиями в настоящем настоящего и настоящем прошедшего. Даже самые скромные и, казалось бы, непредосудительные идолы положений раз-

бываются о слова апостола Павла: «Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или [как] [судят] другие люди; я и сам не сужу о себе» (1Кор.4:3).

Идолы статуса многочисленны, статичны, конкретны, поэтому достижение этих статусов на практике маловероятно.

Идол же прекрасного – один, и он приложим к каждому мгновению бытия. Если употреблять терминологию лингвистов, то идолы статуса – существительные, а идол прекрасного – прилагательное, к тому же оно одно, и оно может быть приложено к чему угодно, служение ему совсем не проблемно.

Если эстетик и религиозный человек испытывают естественное счастье, то идолы обывателя и этика – болваны сухие и безжизненные: единственное возможное для этика счастье – это гордость от исполненного долга, то есть фарисейство, если же и этого «счастья» нет, то его жизнь лишена вовсе всяческого наслаждения.

Для обывателя же «счастье» – это тщеславие и гордость достигнутым успехом. Уже на этом основании эстетик выглядит более живым... Но важнее то, что эстетик единственный, чьё счастье есть отражение истинного блаженства Богообщения.

3.5. Дополнительные подтверждения

В житиях многих святых можно чётко усмотреть стадию эстетизма в духовном развитии. Например, мученица Варвара, с детства запертая отцом в башне во избежание искушений, видя красоту природы из окон своего заключения, возвысилась до веры в истинного Бога...

В прошлом веке преподобномученица Мария Скобцова (1891 – 1945) в своём богословском очерке «Типы религиозной жизни»⁵⁰ перечисляет наблюдаемые ею в среде русских эмигрантов синодальный, эстетический, аскетический и евангельский типы. По форме они, действительно, религиозные, по содержанию же очевидно, что евангельский тип – это тип истинно религиозный, аскетический – подобен этическому, эстетический – экзистенциальному эстетическому, а синодальный присущ обывательскому сознанию, стремящемуся поддерживать статус...

Наконец, в фильме Феллини «Репетиция оркестра» (1978) показан регресс современного общества в соответствии с упомянутыми стадиями: в здании древнего христианского храма, переделанном под концертный зал (это намёк на то, что стадия религиозного существования осталась к концу XX века в прошлом), над древними могилами предков, без благоговения (стадия этического также в прошлом) репетирует оркестр, музыканты которого заняты не столько искусством (эстетическое также в пренебрежении), сколько выясняют чей статус в оркестре важнее, что приводит к «революции» и «тирании».

3.6. Как появился тип эстетика

Как выше было отмечено, сущность христианского существования – Богообщение, форма же – творение прекрасного, которое монашеским языком называется ещё послушанием. То есть, благодатью Святого Духа христианин призван к деятельности, и эта деятельность производит во всех отношениях исключительно прекрасные плоды, пусть это даже всего лишь общение, чем ограничивается

деятельность монашествующих. К XIX-му веку культура христианского мира выработала столь много прекрасных образцов эстетики, что создала почву для возникновения отдельного экзистенциального типа – эстетика. Если ранее для христиан прекрасное было искушением прельститься и прилепиться к форме, потеряв содержание (по учению Кьеркегора, на этической стадии развития человека эстетическая составляющая не исчезает бесследно, но происходит постоянно колебание между эстетическим и этическим), то теперь в истории (а экзистенциализм, как известно, историчен) возникла ситуация, когда эстетизм стал ловушкой для многих, и не только для христиан. Действительно, «эстетический способ существования Кьеркегор называет демоническим нарциссизмом»⁵¹, и это положение может стать таким же губительным для любого эстетика, как и для мифического Нарцисса.

3.7. Когда метод не работает

Конечно, лучше всего сразу же научить служению Богу, потому что «дух животворит» (2Кор.3:6), но на высоту религиозной жизни редко кто восходит сразу. Полезно и необходимо приучать и к этическим правилам, но в этической жизни нет счастья, но только «кантовская» сознательность, поэтому такая жизнь, уже потому требующая подвига, не прельщает, о чем и апостол Павел сказал: «буква убивает» (2Кор.3:6).

Служение красоте даёт наслаждение, которое есть образ Божественного блаженства, и уже поэтому привлекает. Приучение к служению красоте более выгодно и безопасно, чем жизнь обывателя, этому служению и необходимо обучать как *форме* служения Богу. *Сущность* же такого служения есть Сам Бог, Он же указывает и форму этому служению.

Конечно, есть ситуации, при которых служение красоте обнаружит свой неполноценный, поверхностный, даже идолопоклоннический характер, в первую очередь, перед лицом смерти. И тогда необходимо будет заглянуть за пределы этого мира.

3.8. Ошибка

Грубая ошибка нашего времени заключается в том, что педагоги, родители и вообще нерассудительные взрослые, желая воспитуемым благополучного статуса в жизни, приковывают воспитуемых к идолам положений, к низшему уровню бытия человека, на котором он не может даже существовать как личность, в то время как юность вполне может быть возведена на более высокий уровень – служение прекрасному, а возможно, и на ещё более высокий. Прикованный авторитетом наставников и собственной верой к идолам положений, человек испытывает крушение ложных надежд, а в лучшем случае испытывает на одно отчаяние больше, чем мог бы, и испытание это слишком раннее и потому особенно болезненное и опасное.

Проверка абитуриентов исключительно с помощью тестирования (ЕГЭ) также приковывает ученика на многие годы к идолам положений, ориентируя на знание фактов как на залог жизненного успеха и лишая необходимости проявлять творчество и искусство.

Христианская педагогика всегда уводила от идолов статуса, а значит, и от уныния, и от отчаяния, и от суицидов. Вот, например, что писалось в книге «О должностях человека и гражданина»⁵², по которой учили детей в Пруссии, Австро-Венгерской империи, а также почти полвека в империи Российской:

«Во всяком звании можно быть благополучным. Часто думают люди, что одни только цари, князья, благородные и знатные особы благополучную жизнь имеют: сие однако ж не справедливо; благодать Божия ни единого человека не исключила от благополучия: граждане, ремесленники, поселяне, также рабы, и наёмники могут быть благополучными людьми..»

Не должно нам никогда того желать, что званию нашему непристойно, потому что и получить того не можно: тщетное желание мучило бы только наше сердце; а мы можем по мере состояния нашего быть благополучными, хотя и лишены того, что другие в высших степенях имеют.

Не терзались бы люди толь многими суетными желаниями, когда бы знали, что благополучие не содержится в вещах, вне нас находящихся. Не состоит оно в богатстве, то есть в землях, многоценных одеждах, великолепных украшениях или в других вещах, кои видимы и округ себя имеем. Богатые удобно себе таковые вещи могут доставить, но чрез то они еще не суть благополучны, и сие доказывает, что благополучие не состоит в обладании таковых вещей.

Истинное благополучие есть в нас самих. Когда душа наша хороша, от беспорядочных желаний свободна и тело наше здорово, тогда человек благополучен; итак, те люди только на свете прямо благополучны, кои состоянием своим довольны, ибо без довольствия, спокойной совести, благочестия и благоразумия самый богатый и знатный столько же мало может быть прямо благополучен, как и самого низкого состояния человек.

Для приобретения же доброй совести, здравия и довольствия обязаны мы: а) напаять душу нашу добродетелию; б) печись надлежащим образом о теле нашем; в) исполнять общественные должности, на которые мы от Бога определены; г) знать правила хозяйства».

В этом руководстве можно усмотреть намёк на все три степени экзистенции... Каждому – своё, лишь бы не оставался на степени «обывателя».

IV. Характер служения красоте

Чтобы правильно и конкретно представлять служение красоте в деятельностном плане, чтобы это служение не извращалось, необходимо расшифровать его, дав прекрасному подобающее для наших целей определение. Думается, что придающим верное направление деятельности и потому полезным для нас является то определение, которым подвёл итог многовековых размышлений о прекрасном Фома Аквинский:

«Ad pulchritudinem tria requiruntur. Primo quidem integritas, sive perfectio: quae enim diminuta sunt, hoc ipso turpia sunt. Et dībita proportio, sive consonantia. Et iterum claritas» (Для красоты требуются три (вещи). Во-первых, целостность, или совер-

шенство (ибо ущербное уродливо). Во-вторых, должная пропорциональность, или гармония. И, кроме того, яркость Sum. theol. (Сумма теологии), I, q. 39, a. 8)⁵³. Эти три условия прекрасного соответствуют критериям разума, вложенным в нас Творцом: цельность, ибо разум любит бытие; соразмерность, ибо разум любит порядок и гармонию; и, главное, сияние, или ясность, ибо разум любит свет и внятность.

Разум любит цельность, так как существовать и функционировать могут только целые вещи. Разум любит гармонию и порядок, потому что только в этих условиях можно сосуществовать и сотрудничать. Разум любит ясность, потому что только в этом случае понятно, зачем существовать.

Теперь весь богословско-педагогический метод в его положительном содержании может быть сведён к следующему: всё, что приходится нам делать в настоящем настоящего, необходимо производить цельным, гармоничным и ясным, исправляя в настоящем прошедшего несовершенства своих творений и поступков и с радостью созерцать раскрытую нами красоту, имея целью в настоящем будущего бесконечное и непредсказуемое, как говорили древние философы, *труднодостижимое прекрасное* (*χαλεπά τα καλά*), закономерно вырастающее и раскрывающееся из нашего прошлого и настоящего. Этим деланием занимаются христиане, неразрывно сочетая его с духовной жизнью. Этим же деланием имеет смысл заниматься и не имеющим делания духовного.

Таким образом, с одной стороны, педагог обязан показать всю ничтожность наших возможностей там, где мы, как правило, считаем себя всемогущими, а с другой стороны, показать бескрайность тех возможностей, которые вовсе не используются нами.

Все мы были учениками, и неудовлетворительные оценки давно воспринимаем как отметку или уведомление о совершённом грехе. Но это лишь отметка того, что ученик не успевает за основной массой учащихся, а это, хоть и приводит к некоторым неудобствам, но грехом никак не является. Следовательно, не получение отличной отметки и не иные какие выгоды и статусы, но сам урок и сама жизнь как приобщение к прекрасному и к смыслам мироздания должен становиться счастьем ученика, будь он ребенок или взрослый.

Не предвкушение необоснованного и негарантированного счастья должно быть полагаемо в основание жизни, но постоянное вкушение реального счастья общения с прекрасным, приобщение к нему в каждый настоящий момент бытия.

Ко всему остальному «статусному» стремиться бессмысленно и вредно, так как всё остальное, что бы ни произошло с нами, зависит уже не от нас, но от Бога или обстоятельств, кто во что предпочитает верить...

V. О свободе христианского творчества и искусства (воспитание сознания свободы)

Но мало дать *ощущение* свободы. Необходимо дать ещё и *сознание* свободы, представление о том, в чем именно она заключается. Вульгарное представление о свободе имеет формулировку: свобода – это когда что хочу, то и делаю... В этом,

вторгающемся в наивное сознание в первую очередь, примитивном определении свободы как права выбора между добром и злом заключены бессознательные утверждение и претензия на право личного существования. Но это так и есть, и это право также существует, и этот выбор человеку дан свыше. Но существует куда более свободный выбор, куда более утверждающий личное существование, и беда педагогов в том, что они не знают этот выбор и не обучают этому выбору, но испуганно и настойчиво доказывают своим ученикам, вопреки всей очевидности, что они не имеют права выбора между добром и злом и что они обязаны и вынуждены выбирать исключительно добро...

Действительно, в нравственном отношении человек менее свободен, чем в творческом, потому что имеет выбор только между добром и злом, между минусом и плюсом, то есть выбор этот можно назвать бинарным. Разумный человек вправе сказать, что это и не выбор вовсе... Выбор здесь отсутствует, так как не может разумный человек выбрать шаг в пропасть, не может здравомыслящий человек лишиться себя ума, любящий – сердца, действующий – воли.

Напротив, в плане творческом у человека существует бесконечное число выборов: можно и так сделать, и по-другому, и ещё во многих вариантах проявить своё творчество. Художник в любом случае прав, если только до творческого выбора выбрал добро, потому что в области исключительного добра ошибок быть не может. Именно об этом свидетельствует поговорка, что о вкусах не спорят.

О том же, применительно к христианам, сказано блаженным Августином: «Люби Бога и делай, что хочешь». Только такая деятельность становится истинным искусством и истинной свободой в деятельной жизни, как христианина так и любого человека, так как истинная свобода не может не предоставлять бесконечную множественность выборов, в отличие от скудного выбора между добром и злом.

Использованные словари:

1. Rusko-hrvatski praktični rječnik/Stanka Pavuna. – 1 izd. – Zagreb: Školska Knjiga, 2001. 723 с.
2. Slovník Jazyka Staroslovenskeho. Lexicon linguae palaeoslovenicae. II, k-o. Československa Akademie Ved, Praha, 1973.
3. Calvert Watkins, The American Heritage. Dictionary of Indo-European Roots, 2000.
4. Антанасиевич, Ирина (ser. Ирина Антанасијевић). Русско-сербский и сербо-русский словарь. Информационная служба ИФ МАМИФ. 2008. 797 с.
5. Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь: Около 58 000 слов — 3-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1986. — 768 с.
6. Влчек Й. Русско-чешский словарь. 40 000 слов. Изд. 2-е, стереотип. М., «Русский язык». 1974. 896 с.
7. Дьяченко Григорий, священник, магистр. Полный церковно-славянский словарь (со внесением въ него важнейшихъ древне-русскихъ словъ и выражений). Типография Вильде. 1899. 1159 с.
8. Етимологічний словник української мови. У 7 т. Ред-кол.: О. С. Мельничук (голов. ред.) та ін. К.: Наукова думка. 1983. Т. 4: Н-П./ Уклад.: Р. В. Болдирев та ін.; Ред. тому: В. Т. Коломієць, В. Г. Скляренко. — 2003. — 656 с.
9. Іваницький С., Шумлянський Ф. / Іваницкий С., Шумлянский Ф. Російсько-український словник Київ. 2006. Обереги. 526 с.
10. Миклошич Ф., Востоков А. Х., Бередников Я. И., Кочетов И. С. Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову евангелию. Издание А. С. Суворина. С.-Петербург, 1899. 946 с.
11. Настольный русско-польский словарь. Дворецкий И.Х. (ред.). Wiedza Powszechna, 1969. 903 с.
12. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М. Типография Г. Лисснера и Д. Совко. 1910-14 гг. 674+Vс.
13. Претнар Янко С. Русско-словенский словарь. Ljubljana: Državna založba Slovenije. 996 с.
14. Русско-белорусский словарь: В 3 т.: Около 110 000 слов. НАН Беларуси Ин-т языкознания им. Я. Коласа. — 8-е изд. — Мн.: БелЭн, 2002. — 735 с.
15. Словарь русского языка XI – XVII вв. Выпуск 11. Не – нятый. Академия наук СССР. Институт русского языка. М. Наука. 1986 г. 456 с.
16. Словарь современного русского литературного языка. Том XVI. Академия наук СССР. Институт русского языка. Издательство «Наука», Москва – Ленинград. 1964. 1610 с.
17. Словенско-русский словарь. Янко Котник. Государственное издательство Словении. Лjubljana. 1967. 817 с.
18. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. В трёх томах, в шести книгах. Репринтное издание. — М.: Книга, 1989. — 5237 с.
19. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков): Около 10 000 слов. / Э.Благова, Р.М. Цейтлин, С.Геродес и др. Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э.Благовой — М.: Рус. яз., 1994 — 842 с.
20. Тимонина, Е. В. Болгарско-русский и русско-болгарский словарь / Е. В. Тимонина, Г. А. Мартынова. — 4-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз.—Медиа ; Дрофа, 2009. — XII, 536, [12] с.
21. Толовски Диме, Иллич-Свитыч В. Македонско-русский словарь. 30 000 слов. Под ред. Н. И. Толстого. М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. 1963. 576 с.
22. Толстой И.И. Сербско-хорватско-русский словарь. Около 50 000 слов. Государ-

- ственное издательство иностранных и национальных словарей. М., 1957. 1168 с.
23. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т./ Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачёва. – 3-е изд., стер. – Спб.: Терра – Азбука, 1996. – 864 с.
24. Цыганенко В.П. Этимологический словарь русского языка: Более 5 000 слов. – 2-е изд. перераб. и доп. – К. Рад. шк., 1989. – 511 с.
25. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1999. Т 1.: А – Пантомима. – 624 с.
26. Чукалов С. К. Русско-болгарский словарь. 50 000 слов. Изд. 6-е, стереотип.— М.: Русский язык, 1981.— 911 с.
27. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 26 (*novoukъ(jb)-*obgorditi) / ИН-Т рус.яз. им. В.В.Виноградова. – М.: Наука, 1999. – 237 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Етимологічний словник української мови. К.: Наукова думка. 1983. Т. 4.
- ² Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 26.
- ³ В квадратных скобках текст добавлен мной – А. Д.
- ⁴ Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 26. Ссылки в статье на справочную литературу опущены из-за их обширности, их можно найти там же.
- ⁵ См. «Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков)», 1994, а также *Slovník Jazyka Staroslovenskeho*. Praha, 1973.
- ⁶ Дьяченко Григорій, священникъ, магистръ. Полный церковно-славянский словарь.
- ⁷ См. Миклошич Ф., Востоков А. Х. Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову евангелию. В словарной статье «ныти гл. ныть, чувствовать тупую боль, быть подвержену ломоте, тосковать, скучать, см. оунывати».
- ⁸ «Словарь русского языка XI – XVII вв.» Выпуск 11. 1986 г.
- ⁹ Праславянский лексический фонд. Вып. 26
- ¹⁰ Полный церковно-славянский словарь. Протоиерей Г. Дьяченко.
- ¹¹ См. например, унывать в Словаре современного русского литературного языка. Том XVI. Издательство «Наука», Москва – Ленинград. 1964.
- ¹² В соответствии с двумя богословскими традициями существуют семь или восемь так называемых «смертных грехов».
- ¹³ См. статью «ныть».
- ¹⁴ Например, этимолог Александр Григорьевич Преображенский в своём словаре (см. в списке литературы) отмечает «ныть – болеть, ломить; перен. тосковать; унывать, падать духом; изнывать, томиться».
- ¹⁵ «Етимологічний словник української мови». Наукова думка. 1982.
- ¹⁶ Чукалов С. К. Русско-болгарский словарь. 1981.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Например, апостол Павел пишет: «печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть. Ибо то самое, что вы опечалились ради Бога, смотрите, какое произвело в вас усердие, какие извинения, какое негодование [на виновного], какой страх, какое желание, какую ревность, какое взыскание! По всему вы показали себя чистыми в этом деле» (2Кор. 7:10,11). Возможно, из-за этой двойственности Григорий I Великий убрал печаль из восьмеричной системы грехов, принятой до него, оставив семь следующих: *Superbia* (гордыня), *Invidia* (зависть), *Ira* (гнев), *Acedia* (уныние), *Avaritia* (алчность), *Gula* (чревоугодие), *Luxuria* (похоть, блуд) (O'Neil A. C. *Sin // The Catholic Encyclopedia*. — New York: Robert Appleton Company, 1912. — Vol. 14). В таком виде они и отражены у Данте в «Божественной комедии».
- ¹⁹ См. «*puda/*pudь/*pudь» в Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 26
- ²⁰ Этимόν (др.-греч. ἔτιμον – верный) — первоначальное значение и форма слова; форма и значение слова, от которого произошло слово современного языка.
- ²¹ В различных реконструкциях праиндоевропейского языка указывается несколько различное количество корней, за счёт их разветвления и по причине расхождения учёных из-за слишком уж туманной древности реконструируемого языка.

²² List of Proto-Indo-European roots, given with their basic meaning and notable cognates in Indo-European languages

https://en.wiktionary.org/wiki/Appendix:List_of_Prot Indo-European_roots/n

Время обращения – март 2016 г.

Аббревиатуры языков: Alb албанский, Arm армянский, Av. авестийски, Gk. Греческий, Goth. Готский, Gm. немецкий, Hitt. хеттский, Ir. ирландский, Kamviri диалект языка каті, Kashmiri кашміри, Lat. латинский, Ltv. латвийский, Luw. лувийский, Lyc. Ликийский язык, OCS старославянский, OIr. староирландский, Old Prussian старопрусский, ON древнескандинавский язык, Oscan оскский, Pers. персидский, Skt. санскрит, Toch. Тохарский, Welsh валлийский.

²³ См. статью *nupе/*npъne в в «Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 26».

²⁴ <http://www.proto-indo-european.ru/pie-roots-all.htm>. Таблица даётся с сокращениями, время обращения – март 2016 г.

²⁵ <http://www.proto-indo-european.ru/dic-watkins/ier-n.htm>

Calvert Watkins, The American Heritage. Dictionary of Indo-European Roots, 2000.

²⁶ Перевод автора – А.Д.

²⁷ См. статью *nu: в Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 26, с. 30.

²⁸ Calvert Watkins, The American Heritage® Dictionary of Indo-European Roots, 2000.

<http://www.proto-indo-european.ru/dic-watkins/ier-n.htm>

²⁹ Перевод автора – А.Д.

³⁰ См. статью *nu: в Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 26, с. 31.

³¹ Чукалов С. К. Русско-болгарский словарь. 1981.

³² Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь, 1986.

³³ В квадратных скобках дана транскрипция русским шрифтом.

³⁴ Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков), с. 741

³⁵ См. Блаженный Августин. Исповедь. Спб., «Наука». 2013. Книга 11, с. 175 и далее.

³⁶ Блаженный Августин. Исповедь. Спб., «Наука». 2013. Книга 11. С. 187.

³⁷ См. 2 Кор. 12:1-5

³⁸ <https://ru.wikipedia.org/wiki/Детерминизм>

³⁹ Платон (Игумнов), архимандрит. Православно-нравственное богословие. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1996. С.85-87.

⁴⁰ См. определения 4-го вселенского собора в Халкидоне.

⁴¹ М.Булгаков. Мастер и Маргарита. Глава 1. Никогда не разговаривайте с неизвестными.

⁴² Беседа преподобного Серафима с Николаем Александровичем Мотовиловым о цели христианской жизни

⁴³ Кьеркегор, Серен. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» / Пер с датского яз. Н.Исаевой и С.Исаева . — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. С. 6.

⁴⁴ См. выше «Дисгармония во временах».

⁴⁵ См. об этом «Беседу преподобного Серафима с Николаем Александровичем Мотовиловым о цели христианской жизни» Записки Николая Александровича Мотовилова,

служки Божией Матери и преподобного Серафима». – М.: Отчий дом, 2013. – 416 с.).

⁴⁶ Лесков Н. С. Час воли Божией – Рязань: ГУП РО «Рязанская областная типография». 2014. С. 48.

⁴⁷ Там же, с. 55.

⁴⁸ Наталия Исаева, Сергей Исаев. Сёрен Кьеркегор: лестница в небо — виртуальный проект. //Кьеркегор, Серен. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» / Пер с датского яз. Н.Исаевой и С.Исаева . — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. С. 6.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Мать Мария (Скобцова). Типы религиозной жизни. 4-е изд. / Предисловие прот. Сергия Геккеля. – М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт. 2009. – 68 с.

⁵¹ Кьеркегор, Серен. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам». С.6.

⁵² О должностях человека и гражданина, книга к чтению определённая в народных училищах Российской империи, изданная по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Второй. Санктпетербург. 1783 г. С. 1-5

⁵³ Фома Аквинский, святой. Сумма теологии. Часть первая. Вопросы 1-64. Перевод А. В. Апполонова. Под редакцией профессора Н.Лобковица. Москва. Издатель Савин С.А. 2006. С. 493.